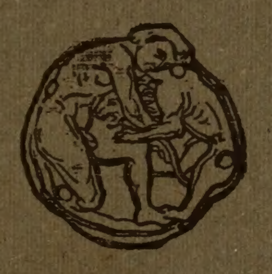
Ivanov, Razumnik Vasil'evich
Россія и Инонія.

Translit.: Rossiya i Inoniya]

РОССІЯ И ИНОНІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ"

IWANOFF-RASUMNIK

RUSSLAND UND INONIEN

ANDREJ BJELY

CHRISTUS IST ERSTANDEN

SERGEJ JESSENIN

DER KAMERAD
INONIEN

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ

РОССІЯ И ИНОНІЯ

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ

ТОВАРИЩЪ
ИНОНІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ“ / БЕРЛИНЪ
[1920]

РОСІЯ И ИНОНІЯ.

Россія, — Ты нынѣ — Невѣста . . .
Пріемли — Вѣсть — Весны . . .
Андрей Бѣлый.

Обѣщаю вамъ градъ Инонію,
Гдѣ живетъ божество живыхъ.
Сергѣй Есенинъ.

1.

Христіанство и Соціализмъ.

Для однихъ противопоставленіе это — кощунственно и плоско, ибо Христіанство для нихъ — безмѣрно больше, чѣмъ великая вселенская идея, а Соціализмъ безконечно меньше, чѣмъ религіозное міровоззрѣніе: лишь соціально-политическая программа.

Для другихъ сопоставленіе это никчемно и „отстало“, ибо Христосъ для нихъ — безмѣрно меньше, чѣмъ вѣчный міровый символъ, а Соціализмъ — безконечно больше, чѣмъ міровоззрѣніе: вѣра ихъ жизни и смерти.

Первые — не видятъ „новаго вознесенія“ человѣческаго духа за соціально-политической схемой историческаго соціализма. Вторые — заслоняютъ — въ своемъ пониманіи вѣчно живую міровую идею мертвымъ скелетомъ историческаго христіанства. И тѣ и другіе — не видятъ за деревьями лѣса.

Ибо есть Христіанство и христіанство.

Есть Соціализмъ и соціализмъ.

Не „плоско“ и не „отстало“, не „кощунственно“ и не „никчемно“ сопоставлять и противопоставлять другъ другу двѣ вселенскія идеи, двѣ міровыя волны, идущія одна вслѣдъ за другою, сметающія собою міръ старый, выносящія насъ съ собою въ міръ новый. Историческій соціализмъ — есть и всегда будетъ тѣмъ самымъ, чѣмъ всегда была христіанская церковь: соціально-культурной силой, которая безпрерывно

смѣняться будетъ новыми формами, въ связи съ измѣняющимися историческими условіями. Но всѣ эти многоразличныя формы „соціализма“, „синдикализма“, „анархизма“ неизбѣжно намъ объединить условной, общей — не боюсь этого слова — религіозной идеей Соціализма, новой вѣрой и новымъ знаніемъ, идущимъ на смѣну старому знанію и старой вѣрѣ Христіанства и его многоразличныхъ историческихъ формъ.

Это видятъ, это знаютъ лучшіе даже изъ профессіональныхъ христіанскихъ богослововъ, не размѣнявшіеся еще до степени профессіональныхъ антисоціалистическихъ суеслововъ. „Въ византизмѣ, католичествѣ и протестанствѣ — говоритъ одинъ изъ нихъ (проф. Тарѣевъ) — мы видимъ три положительныхъ формы церковно-историческаго христіанства; соціализмъ рѣшительно идетъ въ сторону отъ христіанства, и его связь съ христіанствомъ — въ его сознательномъ и прямомъ анти-христіанствѣ“. Если прибавить къ этимъ словамъ, что христіанство, въ его церковно-историческихъ формахъ, всѣ двадцать вѣковъ своей жизни было почти сплошь „анти-христовымъ“, то вопросъ будетъ поставленъ правильно и твердо. Но вопросъ этотъ — большой, о немъ нельзя говорить мимоходомъ; пока достаточно его только поставить.

Рожденіе новаго міровоззрѣнія грядущаго Соціализма — происходитъ въ наши дни:

Новый Назаретъ
    Передъ вами!
Уже славятъ пастыри
    Его утро.
Свѣтъ за горами...

И Россія — та страна, гдѣ въ крови и мукахъ революціи совершается это рожденіе, рожденіе не голой, отвлеченной идеи, а тѣла міра новаго. „О, родина, мое Русское поле, и вы, сыновья ея, остано-

вившіе на частоколѣ луну и солнце — хвалите Бога!“ Многіе и многіе не слышатъ, не видятъ новой благой вѣсти. Грязь и соръ застилаютъ въ ихъ глазахъ очистительную грозу и бурю. На радостный призывъ: „новый Назаретъ передъ вами!“ — они отвѣчаютъ словами своихъ духовныхъ предковъ: „отъ Назарета можетъ ли что доброе быти?“ Ихъ много — тьмы темъ; и не знаютъ они, что распятое — воскреснетъ и побѣдитъ, что такъ было, есть и будетъ:

Въ глухихъ
Судьбинахъ,
Въ земныхъ
Глубинахъ,
Въ вѣкахъ,
Въ народахъ,
Въ сплошныхъ
Синеродахъ
Небесъ —
    — Да пребудетъ
    Вѣсть:
    — „Христосъ
    Воскресъ“.
Есть.
Было.
Будетъ.

2.

„Христосъ Воскресъ“ — поэма Андрея Бѣлаго — еще и еще разъ говоритъ намъ, что въ глубинахъ русской поэзіи текутъ животворные ключи „новаго Назарета“. Пусть „тьмы темъ“, во главѣ съ большими художниками слова, распинаютъ идущую въ міръ новую правду — нѣтъ силы въ мірѣ, которая могла бы остановить ея пришествіе. И поэты русскіе — радостные ея глашатаи. Поэмы Сергѣя Есенина („Товарищъ“, „Пѣвущій зовъ“, „Отчарь“, „Пришествіе“, „Октоихъ“, „Преображеніе“, „Инонія“),

„Двѣнадцать“ Александра Блока, „Христосъ Воскресъ“ Андрея Бѣлаго — не лучшіе ли этому свидѣтели? Читаться и перечитываться радостно будутъ они черезъ годы и годы; а пока — пусть „тьмы темъ“ готовятъ свое преходящее торжество.

Это про нихъ говоритъ поэтъ, — про нихъ, злобящихся и плачущихъ, проклинающихъ и копящихъ злобу, видящихъ только „безобразіе и безпорядокъ“ въ грозѣ и бурѣ океана революціи, точь въ точь какъ ихъ духовный сородичъ въ свое время видѣлъ только „безобразіе и безпорядокъ“ въ грозѣ и бурѣ подлинныхъ океанскихъ волнъ (Гончаровъ, „Фрегатъ Паллада“). Это про нихъ говоритъ поэтъ:

Изъ пушечнаго гула
Сутуло
Просунулась спина
Очкастаго, разслабленнаго
Интеллигента.
Видна —
Мохнатая голова,
Произносящая
Негодующія слова
О значеніи
Константинополя
И проливовъ . . .

Это все онъ-же — „писатель, витія“: „длинные волосы и говоритъ вполголоса: — предатели! Погибла Россія!“ — нашъ знакомый изъ поэмы „Двѣнадцать“.

Да, „погибла Россія!“ — только какая Россія, вотъ вопросъ! И если погибла „Россія“ мохнатаго очкастаго интеллигента и длинно-волосаго писателя-витіи, то лишь рождается, въ мукахъ рождается, Россія Блока, Бѣлаго, Есенина: „новый Назаретъ передъ вами“.

Зарѣя
Огромными зорями,
Въ небѣ прорѣзалась
Назарея . . .

Когда совершилось, когда свершается это: „во дни оны“ или теперь? О какихъ „новозавѣтныхъ лѣтахъ“ говоритъ поэтъ — о тѣхъ-ли, которыя были двадцать вѣковъ тому назадъ или наступаютъ въ наши дни? О тѣхъ и о нынѣшнихъ, ибо одинаково происходитъ въ нихъ новое рожденіе вселенской идеи, —

Прорѣзывается лучъ
Въ новозавѣтныя лѣта . . .
И, помавая кровавыми главами
Тучъ,
Назарея
Прорѣзывается славами
Свѣта.

Но вселенская идея рождается лишь для того — „было; есть; будетъ!“ — чтобы быть гонимой и распятой. Проходятъ времена и сроки — и вмѣсто „славъ свѣта“ міровая идея достигаетъ славы креста. И тогда — „какое то ужасное оно, угасая, и простирая рваныя, израненыя длани“ въ девятый часъ возглашаетъ вѣчное: „для чего Ты меня оставилъ?“ Ибо тогда почти всѣ оставляютъ вселенскую идею и глумятся надъ ней.

Оглянитесь: не близко-ли стоимъ мы теперь отъ этого міровою „девятаго часа“?

И тогда кажется: все погибло — и навсегда:

Навсегда пригвождены ко древу
　　Красныя уста,
Навсегда простеръ глухія длани
　　Звѣздный твой Пилатъ.
„Или, Или, лама савахѳани“ —
　　Отпусти въ закатъ.

И все это — совершается теперь; и все это — „совершается нами, въ насъ“ . . . И много надо силы, много надо вѣры, чтобы не усумниться, видя міровое слово на крестѣ. Подождите: пройдетъ, быть можетъ, „мало времени“ — и вы увидите, какъ послѣ побѣды ликовать будутъ „мимоходящіе“ враги новаго вселенскаго Слова, какъ плакаться и посыпать пепломъ главы будутъ маловѣрные ученики и мнимые друзья, — да что! уже загодя начали . . . И къ нимъ, быть можетъ, почти ко всѣмъ намъ, относится вѣщее слово поэта:

Разбойники
И насильники
Мы,
Мы надъ тѣломъ Покойника
Посыпаемъ пепломъ власы
И погашаемъ
Свѣтильники.
Въ прежней безднѣ
Безвѣрія
Мы —
Не понимая,
Что именно въ эти дни и часы —
Совершается
Міровая
Мистерія . . .

Ибо, если бы „мимоходящіе“ понимали это, то неужели плакались бы они теперь горько: „погибла Россія!“ Длинноволосые „писатели-витіи“ и лохматые „разслабленные интеллигенты“ — если бы понимали это, то неужели стали бы скулить и причитать они о гибели того, что теперь только рождается къ новой жизни!

3.

Россія погибла. Россія рождается.

И „они“, и „мы“ — правы, каждый по своему. Ибо ихъ Россія — не наша, и наша Россія не ихъ.

„Ваши превосходительства, высокородія, благородія, граждане! Что есть Русская Имперія наша? Русская Имперія наша есть географическое единство, что значитъ: часть извѣстной планеты. И Русская Имперія заключаетъ: во первыхъ — великую и малую, бѣлую и червонную Русь; во-вторыхъ — грузинское, польское, казанское и астраханское царство; въ третьихъ она заключаетъ . . . Но — прочая, прочая, прочая“ (Андрей Бѣлый, „Петербургъ“).

Эта Россія — погибла, и пусть плачутъ тѣ, которымъ дорога была она, какъ „географическое единство“, болѣе того — какъ „великая держава“. Съ ними у насъ нѣтъ общаго языка, мы не поймемъ и даже не разслышимъ другъ друга, мы на разныхъ сторонахъ пропасти. И если для нихъ „географическое единство“ односмысленно съ „отечествомъ“, а „великая держава“ — съ „родиной“, то это значитъ что мы съ ними говоримъ на разныхъ языкахъ. Это не значитъ, чтобы наше „отечество“ было только „человѣчество“; нѣтъ, въ человѣчествѣ мы — русскіе, и не можемъ, и не хотимъ другими быть, мы имѣемъ свое національное лицо, свою народную душу. Но это именно и значитъ, что „родина“ имѣетъ для насъ смыслъ не географическій, а духовный, что „отечество“ мы понимаемъ не внѣшне, а внутренно.

Гибнетъ географическая родина, гибнетъ великодержавное отечество. И въ гибели его только нарождается, только укрѣпляется отечество внутреннее, родина духовная, черезъ которыхъ только и можетъ пройти въ міръ во всякой странѣ вселенская идея нашихъ дней. И гибель той Россіи есть не побѣда, а пораженіе стараго міра, столь извнѣ побѣдоноснаго. Я больше скажу: чѣмъ сильнѣе была бы видимая побѣда стараго міра, чѣмъ полнѣе была бы гибель внѣшней Россіи, тѣмъ глубже было бы пораженіе перваго, тѣмъ полнѣе было бы торжество Россіи внутренней.

Примѣръ — глубокая ошибка марта 1918 года (Брестскій миръ), капитуляція революціи передъ мѣщанствомъ. Не совершись она — мы были бы теперь, быть можетъ, „отброшены на Уралъ“ силою стараго міра, силою „стальныхъ машинъ, гдѣ дышитъ интегралъ!“ Взяты были бы внѣшнею силою Петербургъ и Москва, захвачена была бы вся Россія, до конца бы „погибла Россія“ плакальщицъ. Но этотъ конецъ — былъ бы началомъ конца стараго міра, былъ бы началомъ его взрыва изнутри, взрыва тѣмъ болѣе сильнаго, чѣмъ глубже продвинулъ онъ свои „стальныя машины“, думая ими побѣдить идею. Онъ все равно погибъ и теперь, но мартъ 1918 года далъ ему отсрочку на мѣсяцы, на годы, на десятилѣтія — не въ срокѣ дѣло, дѣло въ величайшей совершенной ошибкѣ.

Примѣръ этотъ, одинъ изъ многихъ, ясно выявляетъ, какъ разно понимаютъ „гибель Россіи“ люди старой и новой вѣры, стараго и новаго завѣта. Ихъ Россія подлинно погибла, наша Россія — подлинно народилась. Когда они злобно плачутся о настоящемъ, когда они зловѣще и угрожающе обѣщаютъ: „будетъ Россія!“ — они говорятъ о воскрешеніи стараго (о, конечно-въ улучшенныхъ, въ либеральныхъ, въ „культурныхъ“, даже въ терпимо-соціалистическихъ формахъ!), а не о рожденіи новаго. Они похожи на тѣхъ книжниковъ и фарисеевъ, которые все еще ждали „подлиннаго Мессіи“, въ то время какъ вселенская идея христіанства уже покоряла міръ. Они проглядѣли рожденіе новой вселенской идеи, они не видятъ и распятія ея, а если и видятъ, то услужливо подаютъ гвозди и помогаютъ ставить крестъ.

Да, подлинно: ихъ Россія — не наша Россія. Для нихъ — „гибель“ то, что для насъ „рожденіе“; для нихъ смерть то, что для насъ воскресеніе. И радостно принимаемъ мы слова поэта:

Страна моя   Могила
Есть   Простершая

Блѣдный
Крестъ —
Въ суровые своды
Неба,
И —
Въ неизвѣстности
Мѣстъ.
Обвили убогія
Мѣстности
Бѣдный
Убогій крестъ —
Въ сухіе
Строгіе
Колосья хлѣба,
Вытарчивающіе
Окрестъ,
Святое
Пустое
Мѣсто —
Въ святынѣ
Твои сыны!
Россія —
Ты нынѣ
Невѣста...
Пріемли
Вѣсть
Весны...
Земли,
Прордѣйте
Цвѣтами
И прозеленѣйте
Березами:
Есть —
Воскресеніе,
Съ нами —
Спасеніе...
Исходитъ огромными
розами
Прорастающій
крестъ!

Для однихъ — Россія погибла; для другихъ спаслась; одни поютъ ей отходную, другіе слышатъ „вѣсть весны". Какое же взаимное пониманіе, какое же внутреннее соглашеніе возможно между этими двумя станами столь безмѣрно чуждыхъ другъ другу людей?

Новая вселенская идея воплощается нынѣ въ міръ черезъ „отсталую", „некультурную", „темную" Россію, — подобно тому, какъ и двадцать вѣковъ назадъ христіанство зародилось въ темной некультурной и отсталой Іудеѣ, а не въ передовомъ культурномъ блестящемъ Римѣ. Это не значитъ, что правы славянофилы, что мы „богоизбранный народъ", что побѣдили многоименные Хомяковы, неустанно восторгавшіеся нашей богоизбранностью и смѣло возглашавшіе Россіи: „О, недостойная избранія, — Ты избрана!" Рядъ историческихъ, экономическихъ, соціальныхъ причинъ сдѣлалъ изъ Россіи первую арену дѣйствія

новаго вселенскаго Слова, но скоро и весь старый міръ перевернутъ будетъ до своихъ основаній этой новой міровой идеей. Тутъ нѣтъ мѣста для „народной гордости“, тутъ есть мѣсто лишь для всечеловѣческой радости. Такъ и только такъ принимаю и понимаю я слова поэта:

Россія,
Страна моя!
Ты — та самая
Облеченная солнцемъ
жена,
Къ которой
Возносятся
Взоры...
Вижу явственно я:
Россія
Моя —
Богоносица,
Побѣждающая змія...
Народы,
Населяющіе Тебя,
Изъ дыма
Простерли
Длани
Въ твои пространства,
Преисполненныя пѣнія
И огня
Слетающаго Серафима.
И что-то въ горлѣ
У меня
Сжимается отъ
умиленія...

Такова Россія наша, рождающаяся въ грозѣ и бурѣ, Россія скорбнаго настоящаго, Россія радостнаго будущаго, бичуемая и распинаемая, но пролагающая первые пути для новой міровой идеи, для построенія новаго „града взыскуемаго.“

4.

Я не считаю поэму Андрея Бѣлаго чрезмѣрно удавшимся автору произведеніемъ: въ ней есть растянутости, длинноты, повторенія, есть и замѣчательно удавшіеся мѣста — какъ разъ тѣ, гдѣ больше конкретнаго; вся вторая половина поэмы — значительно сильнѣе первой. Но все это — очень и очень „относительно“. Къ Андрею Бѣлому предъявляешь такія большія требованія, которыя другому бы непосильно выполнить. Авторъ „Петербурга“

имѣетъ право на такую тяжелую оцѣнку. Безотносительно, однако, поэма эта, повторяю, является большимъ произведеніемъ большого мастерства; въ ней бьютъ живые ключи „новаго Назарета“, въ ней одной мы болѣе видимъ живую душу новой Россіи, чѣмъ въ десяткѣ произведеній плачущихъ и панихидствующихъ, злобствуюшихъ и проклинающихъ.

И невольно отъ этой поэмы о воскресеніи народа и отъ противоположныхъ ей похоронныхъ словъ о гибели, переходишь мыслью къ двумъ стихотвореніямъ Андрея Бѣлаго о Россіи: къ похоронному „Отчаянію“ 1908 года и радостной „Родинѣ“ 1917 г. Тогда, въ годы тупого отчаянія, отчаялся и поэтъ; теперь, въ годы горшаго отчаянія тѣхъ же „интеллигентскихъ“ круговъ — радостно смотритъ поэтъ въ будущее сквозь ураганы огней. Слишкомъ твердо стоялъ тогда старый міръ, старая Россія — и отсюда, только отсюда, истекало тогда „отчаяніе“ поэта:

Довольно: не жди, не надѣйся —
Разсѣйся, мой бѣдный народъ!
Въ пространства пади и разбейся
За годомъ мучительный годъ.

Вѣка нищеты и безволья!
Позволь же, о родина-мать,
Въ сырое, въ пустое раздолье,
Въ раздолье твое прорыдать.

Туда, на равнинѣ горбатой,
Гдѣ стая зеленыхъ дубовъ
Волнуется купой подъятой
Въ косматый свинецъ облаковъ, —

Гдѣ по полю Оторопь рыщетъ,
Возставъ сухорукимъ кустомъ,
И въ вѣтеръ пронзительно свищетъ
Вѣтвистымъ своимъ лоскутомъ, —

Гдѣ въ душу мнѣ смотрятъ изъ ночи,
Поднявшись надъ сѣтью бугровъ,
Жестокія, желтыя очи
Безумныхъ твоихъ кабаковъ, —

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея, —
Исчезни въ пространство, исчезни
Россія, Россія моя!

Когда стихотвореніе это войдетъ въ будущемъ во всѣ школьныя хрестоматіи, то составители ихъ будутъ дѣлать къ нему ученыя примѣчанія: „стихи эти написаны подъ впечатлѣніемъ суровой политической реакціи, воцарившейся въ Россіи послѣ подавленія революціи 1905 года“... Они будутъ правы, эти ученые комментаторы, они будутъ правы, но только не до конца: ибо не въ одной „политической реакціи“ тутъ дѣло, а въ побѣдѣ и торжествѣ стараго міра надъ ростками міра новаго, въ побѣдѣ не только политической, но и соціальной, не только соціальной, но и духовной.

И когда въ тѣ-же годы Александръ Блокъ писалъ свой пророческій циклъ стиховъ „Родина“ — не о „политической реакціи“ думалъ онъ; онъ зналъ, что „политическая реакція“ преходяща, но что послѣ нея и черезъ нее придется еще вступить въ полосу міровой борьбы за вселенскую идею.

Когда писалъ онъ свое незабываемое:

Христосъ! Родной просторъ печаленъ.
Изнемогаю на крестѣ.
И челнъ твой будетъ-ли причаленъ
Къ моей распятой высотѣ?

— то, быть можетъ, и это отчаяніе было вызвано „политическимъ моментомъ“?

Нѣтъ, другое видѣли и чуяли тогда поэты-пророки: они смутно сознавали, что за нищетой и безвольемъ, за колеей смертей и болѣзней — далекая тьма исто-

рической ночи стараго міра, что ввергнуты они въ духовную темницу, изъ которой нѣтъ исхода. „. . . Тобой обманутъ, о вѣчность! Подо мной растянутъ въ дали безконечной твой узоръ, Безконечность, темница міра!“ (А. Блокъ.)

Что же удивительнаго, что теперь эти же самые поэты-пророки радостно привѣтствуютъ изведеніе души изъ темницы, первые лучи новаго міра, рожденія новой вселенской идеи? Иначе и быть не могло. И тотъ самый Андрей Бѣлый, написавшій одну Россію, темную, въ 1908 году („Отчаяніе“), пишетъ другую, свѣтлую, въ концѣ 1917 года („Родина“):

Рыдай, буревая стихія,
Въ столбахъ громового огня!
Россія, Россія, Россія —
Безумствуй, сжигая меня!

Въ твои роковыя разрухи
Въ глухія твои глубины —
Струятъ крылорукіе духи
Свои свѣтозарные сны.

Не плачьте: склоните колѣни
Туда — въ ураганы огней,
Въ грома серафическихь пѣній,
Въ потоки космическихъ дней!

Сухія пустыни позора,
Моря неизливныя слезъ —
Лучомъ безглагольнаго взора
Согрѣетъ сошедшій Христосъ.

Пусть въ небѣ — и кольца Сатурна
И млечныхъ путей серебро —
Кипи фосфорически бурно
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихія,
Безумствуй, сжигая меня,
Россія, Россія, Россія —
Мессія грядущаго дня!

Ученые комментаторы далекихъ будущихъ дней быть можетъ поймутъ всю глубину внутренней связи между этими двумя „Россіями“, отдѣленными другъ отъ друга десятилѣтіемъ, и связь ихъ съ поэмой „Христосъ Воскресъ“. Ибо связь эта — въ духовной борьбѣ міра стараго съ міромъ новымъ, въ „отчаяніи“ отъ побѣды перваго, въ радости за лучи свѣта второго, пролагающаго, еще разъ повторяю, новыя пути для новаго, иного вселенскаго міра и мира, для будущей вселенской міровой „Инонiи“.

5.

„Инонія“, поэма Сергѣя Есенина, въ основномъ, казалось бы, противорѣчитъ поэмѣ Андрея Бѣлаго. „Христосъ Воскресъ! Есть. Было. Будетъ.“ — возглашаетъ одинъ. „Тѣло, Христово тѣло выплевываю изо рта“ — говоритъ другой. И быть можетъ многіе увидятъ въ послѣднемъ только голое „кощунство“, въ то время какъ въ немъ — лишь разрывъ съ историческими формами христіанства. „Проклинаю я дыханіе Китежа и всѣ лощины его дорогъ!... Проклинаю тебя я, Радонежъ, твои пятки и всѣ слѣды“! Это кощунственно лишь для тѣхъ, кто въ Китежѣ и Радонежѣ видитъ всю полноту вселенской идеи, перевернувшей міръ двадцать вѣковъ тому назадъ.

Нѣтъ, не съ Христомъ борется поэтъ, а съ тѣмъ лживымъ подобіемъ его, съ тѣмъ „Анти-Христомъ“, подъ властной рукой котораго двадцать вѣковъ росла и ширилась историческая церковь. Оглянитесь вокругъ: гдѣ копятся теперь черныя духовныя силы? Прислушайтесь: съ какой злобой и ненавистью поютъ толпы въ крестныхъ ходахъ свое: „Христосъ Воскресе!“ Вотъ ужъ когда, подлинно, „Антихристъ Воскресе!“ — среди тѣхъ людей, которые ложно именуютъ себя сынами Христа! На всякія звѣрства, во имя Христа, готовы они: на погромы, на насилія, на убійства. Вся грязь и кровь революціи покажется

малой каплей, когда побѣдятъ они, анти-христовы христіане, подъ руководствомъ и водительствомъ исторической церкви всѣхъ странъ!

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше она „огня золотого залежи разрыхляла киркою воды“, водою внѣшней вѣры гасила она золотой огонь человѣческихъ душъ. Это ей и о ней говоритъ поэтъ:

Стая тучъ твоихъ, по волчьи лающихъ,
Словно стая злющихъ волковъ,
Всѣхъ зовущихъ и всѣхъ дерзающихъ
Прободала копьемъ клыковъ.

Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялося въ душу, какъ ножъ,
На рѣкахъ Вавилонскихъ мы плакали —
И кровавый мочилъ насъ дождь . . .

Пусть кто-нибудь другой подробно разбираетъ эти стихи съ точки зрѣнія ихъ внѣшняго мастерства (идущаго у поэта не отъ эрудиціи, а отъ интуиціи), пусть другой подчеркиваетъ всѣ эти змѣиныя „шипящія“ и „свистящія“, недаромъ и неслучайно переполняющія приведенныя строки, — мнѣ надо подчеркнуть только, что съ внѣшней формой здѣсь переплетается внутренній смыслъ. Да, историческая церковь отреклась ужъ давно отъ „всѣхъ зовущихъ и всѣхъ дерзающихъ“, давно уже связала она себя со старымъ міромъ, въ Россіи — со „Святой Русью“, съ „Московіей“ былыхъ и нашихъ дней. Змѣиный шипъ и свистъ въ томъ царствѣ — понятенъ: эта Россія — подлинно погибла, хотя бы еще висѣлицами, во имя Христа, уставила она землю въ случаѣ своей побѣды.

Колокольные надъ Русью клики:
Это плачутъ стѣны Кремля.
Нынѣ, какъ Петръ Великій,
Вздыбливаю тебя, земля! . . .
Плачь и рыдай, Московія!
Новый пришелъ Индикопловъ . . .

Погибла „Святая Русь,“ „погибла Россія“ — ихъ Россія, Россія шипящаго и свистящаго царства.

Наивные люди очень будутъ негодовать, принимая обобщающее „я“ этихъ строкъ за „я“ поэта Сергѣя Есенина. Подлинно, какая дерзость! „Нынѣ же, какъ Петръ Великій, я рушу подъ тобою твердь!“ „До Египта раскорячу ноги, раскую съ васъ подковы мукъ“... „Такъ говоритъ по Библіи пророкъ Есенинъ Сергѣй“...

Пусть успокоится утиное стадо: не о себѣ говоритъ поэтъ, а о томъ новомъ вселенскомъ словѣ, пришествіе котораго въ міръ онъ чуетъ. Поэтъ — всегда пророкъ; и это о себѣ, о поэтѣ въ себѣ, писалъ Пушкинъ въ своемъ „Пророкѣ“. Ибо, повторяю, пророкъ — подлинный поэтъ, и подлинный поэтъ — пророкъ. Это онъ, духовной жаждою томимъ, влачится въ мрачной пустынѣ міра; это ему является „шестикрылый серафимъ“ на перепутьѣ жизненныхъ дорогъ, разсѣкаетъ мечемъ грудь и влагаетъ въ нее „угль, пылающій огнемъ“... Это къ нему взываетъ голосъ Бога:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

Только поэтому на этотъ разъ утиное стадо и пощадило Пушкина, что сочло дерзкій образъ его лишь „обрисовкой образа ветхозавѣтнаго пророка!“ И не знало оно, что говоритъ онъ о себѣ, поэтѣ, о пророкѣ въ себѣ... И всякій „Божіей милостью поэтъ“ имѣетъ это право, какихъ бы размѣровъ ни былъ вложенный въ него „угль, пылающій огнемъ.“

Велико разстояніе между Есенинымъ и Пушкинымъ, но вѣдь не больше, чѣмъ между Пушкинымъ и пророкомъ Исайей. Но именно послѣднему принадлежатъ тѣ слова, которыя должны были-бы снова звучать въ наши дни:

„... Видѣлъ я Господа, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и шестикрылые серафимы стояли окрестъ Его... И сказалъ я: Увы мнѣ! погибъ я! ибо человѣкъ я съ нечистыми устами, живу я среди людей съ нечистыми устами, и царя, Господа Саваоѳа, видѣлъ очами моими! И посланъ былъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ рукѣ его былъ угль пылающій... и коснулся устъ моихъ и сказалъ: вотъ, коснулось это устъ твоихъ и беззаконія твои удалило, и грѣхи твои очистило. И услышалъ я голосъ Господа, говорящаго: кого пошлю? и кто пойдетъ къ людямъ этимъ? И сказалъ я: вотъ я, пошли меня! Онъ сказалъ: иди и скажи людямъ этимъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете и не увидите. Ибо огрубѣло сердце людей сихъ, и ушами своими тяжко слышатъ, и очи свои сомкнули, чтобы какъ либо не узрѣть очами, не услышать ушами, не уразумѣть сердцемъ и не обратиться, чтобы Я исцѣлилъ ихъ. И спросилъ я: доколѣ, Господи? Онъ сказалъ: доколѣ не опустѣютъ грады, оставшись безъ жителей, и дома безъ людей, и земля останется пуста. И послѣ сего продолжитъ Богъ людей, и умножатся оставшіеся на землѣ. И если останется ранѣе бывшихъ хоть десятая часть, снова будетъ она въ расхищеніи, какъ теревинѳъ, какъ падающій съ дуба желудь: святое сѣмя будетъ новымъ корнемъ...“

Мы переживаемъ теперь такія катастрофическія времена, что „огня золотого залежи“ поэтовъ Библіи ясно звучатъ въ нашихъ ушахъ. Безмѣрно, безконечно слабѣйшіе голоса современныхъ поэтовъ — да будутъ тоже разслышаны нами.

6.

Новое вселенское Слово видитъ грядущимъ въ міръ поэтъ — и во имя его борется онъ со старымъ Богомъ, какъ борется въ душѣ каждый, познавшій новую правду, какъ нѣкогда боролся Іаковъ въ

пустынѣ. И вся „Инонія“ — не богохульство, а богоборчество; всякое же богоборчество есть и богоутвержденіе новаго Слова:

Я инымъ тебя, Господи, сдѣлаю,
Чтобы зрѣлъ мой словесный лугъ!...

Давно было сказано, что Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Съ тѣхъ поръ однако историческое христіанство только и дѣлало Бога живыхъ Богомъ мертвыхъ. Оно постоянно входило въ союзъ со всѣмъ мертвымъ, чтобы „прободать копьемъ клыковъ“ все живое, „всѣхъ зовущихъ и всѣхъ дерзающихъ“. И вотъ — въ грозѣ и бурѣ мірового вихря объявилась міру новая вѣсть весны: старый міръ смятется и сметется, новый міръ возстанетъ и встанетъ, святое сѣмя будетъ новымъ корнемъ. Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, —

Обѣщаю вамъ градъ Инонію,
Гдѣ живетъ Божество живыхъ!

И въ этомъ иномъ градѣ все будетъ по иному. „У насъ все на оборотъ“, говорилъ когда-то Іоаннъ Златоустъ о христіанствѣ и язычествѣ; эти же слова повторяетъ теперь новая вселенская идея по отношенію къ историческому христіанству.

Въ христіанствѣ страданіями одного Человѣка спасался міръ: въ Соціализмѣ грядущемъ — страданіями міра спасенъ будетъ каждый человѣкъ. Старый путь отвергаетъ новая вѣра:

Не хочу воспріять спасенія
Черезъ муки Его и крестъ!
Я иное постигъ ученіе
Прободающихъ вѣчность звѣздъ.
Я иное узрѣлъ пришествіе,
Гдѣ не пляшетъ надъ правдою смерть...

Это говоритъ тотъ самый поэтъ, который въ недавней поэмѣ „Пришествіе“ взывалъ къ невѣдомому Богу: „Ей, Господи, Царю мой! Дьяволы на рукахъ укачали землю. Снова пришествію Его поднятъ крестъ. Снова раздирается небо. Лѣстница къ саду твоему — безъ приступокъ...“ Тѣ же слова — и о томъ же; только выявлено въ нихъ вѣчно новое сознаніе: „у насъ все наоборотъ“. Видѣлъ тогда поэтъ: „лѣстница къ саду твоему безъ приступокъ“; знаетъ онъ теперь: „не хочу я небесъ безъ лѣстницы... Я хочу, чтобы на бездонномъ вытяжѣ мы воздвигли себѣ чертогъ“...

Христіанство погубило идею Христа и потому „не удалось“. Оно было духовнымъ динамитомъ — и стало для человѣчества вязкою глиной. Оно должно было низвести огонь на землю — и затопило ее прѣсною водою. — „Говорю вамъ — вы всѣ погибнете, всѣхъ задушитъ васъ вѣры мохъ“. И въ этомъ моховомъ болотѣ вѣка и вѣка тонуло человѣчество. Но уже вѣка и вѣка, начиная съ эпохи Возрожденія (а для единицъ — и раньше ея) человѣчество вступило на путь „богоборчества“. Если динамитъ оказался глиной, а огонь — водой, если не удалось низвести огонь съ неба, то пусть цѣпи человѣчества расплавитъ огонь земной, а не небесный. Старый міръ долженъ сгорѣть въ немъ до тла, новый градъ долженъ возстать изъ пепла. Для поэта — онъ „градъ Инонія, гдѣ живетъ Божество живыхъ“...

По иному надъ нашей выгибью
Вспухъ незримой коровой Богъ...
И напрасно въ пещеры селятся
Тѣ, кому ненавистенъ ревъ:
Все равно — Онъ инымъ отелится
Солнцемъ въ нашъ русскій кровъ.
Все равно — Онъ спалитъ телѣніемъ,
Что ковало рѣкѣ брега;
Разгвоздятъ міровое кипѣніе
Золотые его рога...

И вѣритъ поэтъ, что это „теленіе“ наступаетъ въ наши дни. Вотъ, кстати, тема для дешевыхъ лавровъ: Богъ — корова! „Пою и взываю: Господи, отелись!“ Многіе, видно, ничего еще не слыхали о міровыхъ религіозныхъ символахъ, о „коровѣ“ въ космогоніи индуизма, въ Ведахъ и Пуранахъ (эта связь тѣмъ интереснѣе, что и въ этой области поэтъ лишенъ какой бы то ни было „эрудиціи“). Мы припомнимъ, кстати, какъ издѣвались когда-то язычники надъ „агнцемъ“ христіанъ, говоря, что у послѣднихъ Богъ — овца!

Но это — къ слову; символика древне-пророческая становилась религіозно-общеобязательной, символика поэтовъ нашихъ дней — вполнѣ индивидуальна... Не въ ней дѣло. Дѣло въ вѣрѣ поэта: онъ вѣритъ въ „новое теленіе“ міра, въ начертаніе новаго его лика, въ испепеляющую мощь земного огня. Новая вселенская идея будетъ динамитомъ, она раскуетъ цѣпи, еще крѣпче прежняго заклепанныя христіанствомъ на тѣлѣ человѣчества. Пусть расколется тогда земля, какъ уже раскололась она на старый и новый міръ во вселенской катастрофѣ нашихъ дней, лишь бы человѣчество достигло той свободы, которую ему обѣщало дать и не дало христіанство. Идетъ на смѣну ему новая міровая сила, — поэтъ гипостазируетъ ее въ себѣ, поэтѣ:

До Египта раскорячу ноги,
Раскую съ васъ подковы мукъ...
Въ оба полюса снѣжнорогіе
Вопьюся клещами рукъ.
Колѣномъ придавлю Экваторъ
И, подъ бури и вихря плачъ,
Пополамъ нашу землю-матерь
Разломлю, какъ златой калачъ...

Погибнетъ міръ старый; родится міръ новый; когда-нибудь — вѣрили раньше — послѣ крови и мукъ,

придетъ человѣчество въ „градъ чаемый". Видитъ поэтъ его воочію: „вижу тебя, Инонія, съ золотыми шапками горъ" ... И видитъ онъ ее не потому, что въ нее „когда-нибудь" придутъ, на костяхъ нашихъ создавая себѣ далекое свое блаженство: это изжитая, еще Герценомъ опрокинутая „теорія прогресса", какъ цѣли міровой жизни. Нѣтъ, такая „Инонія" — намъ не нужна, ее-то и надо взорвать въ первую очередь; это ее обѣщало когда-то христіанство въ своей эсхатологіи. „Инонія" наша не тамъ, а здѣсь, она не внѣ насъ, она въ насъ самихъ. Но мы должны бороться за то, чтобы не осталась она только въ насъ: на этомъ погибла идея христіанства. И здѣсь также — „у насъ все наоборотъ" ...

Сильными, радостными образами кончаетъ поэтъ эту свою „богоборческую" и всю пронизанную дыханіемъ новой вѣры поэму, которую не исчерпалъ я и наполовину. Его будутъ упрекать за „кощунство", за „невѣріе", — слѣпые вожди слѣпыхъ, сами не имѣющіе своей вѣры ни на маковое зерно! А онъ въ свою — вѣритъ твердо и знаетъ, что правда его — въ немъ:

Слава въ вышнихъ Богу
И на землѣ миръ!
Мѣсяцъ синимъ рогомъ
Тучи прободилъ...

Кто-то вывелъ гуся
Изъ яйца звѣзды,
Свѣтлаго Исуса
Проклевать слѣды.

Кто-то съ новой вѣрой,
Безъ креста и мукъ,
Натянулъ на небѣ
Радугу, какъ лукъ.

Радуйся, Сіоне,
Проливай свой свѣтъ!

Новый въ небосклонѣ
Вызрѣлъ Назаретъ.

Новый на кобылѣ
Ѣдетъ къ міру Спасъ.
Наша вѣра — въ силѣ,
Наша правда — въ насъ!

Подлинно такъ. И при яркости этихъ словъ, скажите: не глухо-ли, точно откуда-то изъ преисподней, звучитъ голосъ „разслабленныхъ интеллигентовъ“ и длинно-волосыхъ писателей-витій — „погибла Россія!“ Въ какой міровой дырѣ надо сидѣть, чтобы только это видѣть и чувствовать въ нынѣшней вселенской катастрофѣ? Какъ не видѣть въ нарождающейся новой Россіи, во всемъ мірѣ — „Иноніи“, гдѣ живетъ божество живыхъ?

Напрасны слова, — не увидятъ и не почувствуютъ. Вѣдь это про нихъ сказано выше: „ушами своими тяжко слышатъ, и очи свои сомкнули, чтобы какъ-либо не узрѣть очами, не услышать ушами, не уразумѣть сердцемъ“ . . .

7.

Поэмы Блока, Есенина, Бѣлаго — поэмы „пророческія“, поскольку каждый подлинный поэтъ есть „пророкъ“. И всѣ истинные поэты всѣхъ временъ — всегда были „пророками“ вселенской идеи своего времени, всегда черезъ настоящее провидѣли въ будущемъ Инонію. И хочется, послѣ поэтовъ современныхъ, еще разъ вспомнить великаго пророка-поэта минувшаго столѣтія, видѣвшаго еще тогда тѣ дали, которыя мы только начинаемъ видѣть теперь.

Вспомните: во второй части „Фауста“ Гете — внезапное, нежданное землетрясеніе — „Сейсмосъ“ — разсѣкаетъ землю провалами, погребаетъ долины подъ обломками, рушитъ старыя горы, вздымаетъ къ небу новыя.

Новый міръ долженъ родиться изъ безсмысленнаго хаоса потрясенной земли; съ неудержимой силой, „съ невѣроятнымъ стремленіемъ“ рождается новая земля подъ новымъ небомъ, рождается „Инонія“, рождается новый „радостный народъ“ для новой жизни:

Jetzt so, mit ungeheurem Streben,
Drang aus dem Abgrund ich herauf:
Und fordre laut zu neuem Leben
Mir fröhliche Bewohner auf!

И все равно, какое бы историческое имя ни носило это землетрясеніе — будь то христіанство первыхъ вѣковъ, перевернувшее міръ, будь то соціализмъ грядущихъ вѣковъ, побѣда котораго еще впереди — все равно: тамъ, гдѣ рушитъ и воздигаетъ эпохи міровой Сейсмосъ — тамъ густой толпой спѣшатъ овладѣть плодами побѣды многочисленные гетевскіе „Пигмеи“. Онъ мѣняетъ лицо земли міровыми обвалами; они — тотчасъ находятъ въ нихъ удобныя щели, гдѣ можно снова начать строить прочную, теплую, тараканью жизнь. Правъ Гете: „всякая земля“ годится для міровыхъ мѣщанъ, духовныхъ „Пигмеевъ“ и „карликъ съ карлицей“ — „тутъ какъ тутъ“ вездѣ, гдѣ лишь утихаетъ землетрясеніе:

Zu des Lebens lustigem Sitze
Eignet sich ein jedes Land,
Zeigt sich eine Felsenritze,
Ist auch schon der Zwerg zur Hand.
Zwerg und Zwergin, rasch zum Fleiße,
Musterhaft ein jedes Paar . . .

И не все-ли равно, какое имя носятъ эти „Пигмеи“ — будь то историческое христіанство двухъ десятковъ минувшихъ вѣковъ, будь то мѣщанскій соціализмъ нынѣшнихъ и многихъ грядущихъ дней?

Міровые „Пигмеи“, міровой „Сейсмосъ“, носятъ въ исторіи многія имена. Но эти два всечеловѣ-

ческихъ землетрясенія, съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями, эти два міровыхъ переворота — Христіанство и Соціализмъ — являются для европейскаго человѣчества величайшими и могутъ быть другъ другу сопоставлены и противопоставлены. И не для того, чтобы отъ смѣшенія ихъ родилось ублюдочное и жалкое соціалистическое христіанство и христіанскій соціализмъ, а для того, чтобы выявились передъ нами далекіе историческіе пути отъ прошлыхъ совершеній христіанства къ грядущимъ судьбамъ соціализма.

Соціализмъ нашихъ дней — подлинно лишь первая „щель", въ которую торопливо внѣдряются многочисленные и многообразные карлики и пигмеи стараго міра, но сквозь которую уже брежжутъ намъ лучи міра иного, новаго преображеннаго. Соціализмъ ближайшаго будущаго неизбѣжно, хотя и временно, будетъ преданъ и загубленъ міровыми мѣщанами разныхъ обличій, но именно потому намъ и дороги въ немъ не „пигмейскіе" его черты, не мѣщанскія его свойства, а то вѣчное, что таитъ въ себѣ залоги будущихъ побѣдъ надъ „пигмеями", будущихъ преодолѣній надъ мѣщанами, то вѣчное, о чемъ гласятъ слова того-же поэта-пророка:

Ты помчался несдержимо,
Въ даль невольно увлеченъ;
Ты презрѣлъ неукротимо
И обычай, и законъ.
Свѣтлый умъ къ дѣламъ нетлѣннымъ
Бодрость чистую привелъ;
Гнался ты за совершеннымъ,
Но его ты не нашелъ.
Кто найдетъ? — Вопросъ печальный!
Рокъ отвѣта не даетъ
Въ дни, когда многострадальный
Весь въ крови молчитъ народъ...

Что это — пѣсня смерти или побѣды? пѣсня рожденія или пораженія? — Многимъ-ли ясно, что пора-

женіе и смерть — залогъ новаго рожденія, новой побѣды. Но побѣда — впереди. Въ ожиданіи ея (многіе годы ожиданія, многія десятилѣтія, быть-можетъ!) надо теперь упорно, пристально и твердо вглядываться въ былыя пораженія міровой идеи, оцѣнивая силы вѣчнаго ея врага, вѣчнаго мирового Пигмея, Карлика, Мѣщанина; надо твердо вскрыть причины пораженія вселенской идеи въ далекомъ прошломъ, чтобы сумѣть намѣтить пути ея побѣды въ далекомъ будущемъ. Только тогда станетъ намъ ясно, какими силами человѣкъ пробьетъ путь къ тому чаемому граду, „гдѣ живетъ божество живыхъ.“

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

(ПОЭМА.)

1.

Въ глухихъ
Судьбинахъ,
Въ земныхъ
Глубинахъ,
Въ вѣкахъ,
Въ народахъ,
Въ сплошныхъ
Синеродахъ
Небесъ —

— Да пребудетъ
Вѣсть:
— „Христосъ
Воскресъ!“ —

Есть,
Было,
Будетъ.

2.

Перегорающее страданіе
Сіяніемъ

Омолнило
Ликъ,
Какъ алмазъ, —
— Когда что-то
Блеснувши неимовѣрно,
Преисполнило этого человѣка,
Простирающаго длани
Отъ вѣка и до вѣка —
— За насъ;
— Когда что-то,
Зарѣяло
Изъ внѣ — времени,
Пронизывая его отъ темени
До пяты . . .
И провѣяло
Въ ухо
Вострубленной
Бурею Духа:
„Сынъ,
„Возлюбленный —
„Ты!"
Зарѣя
Огромными зорями
Въ небѣ,
Прорѣзалась Назарея . . .
Жребій —
Былъ брошенъ.

3.

Толпы народа
Въ Іорданѣ
Увидѣли явственно: два
Крыла.
Сіяніемъ
Преисполнились
Длани
Этого человѣка . . .

И перегорающимъ страданіемъ
Вѣка
Омолнилась
Голова.

И по толпамъ
Народа
Желтымъ
Маревомъ,
Какъ заревомъ
Запрядала разорванная мгла, —

Надъ, какъ дымъ,
Сквозною головою
Вѣющею
Вѣрою
Кропя Его слова, —

Изъ лазоревой окрестности
Въ зеленѣющія
Мѣстности
Опускалось что-то свѣтовою
Атмосферою . . .

Прорѣзывался лучъ
Въ новозавѣтныя лѣта . . .

И помавая кровавыми главами
Тучъ,
Назарея
Прорѣзывалась славами
Свѣта.

4.

Послѣ Онъ простеръ
Мертвѣющія, посинѣлыя отъ муки
Руки
И взоръ —

Въ пустыя
Тверди . . .

Руки
Повисли,
Какъ жерди,
Въ густые
Мраки . . .

Измученное, перекрученное
Тѣло
Висѣло
Безъ мысли.

Кровавились
Знаки,
Какъ красныя раны,
На изодранныхъ ладоняхъ
Полутрупа.

Глазъ остеклѣлою впадиною
Уставился пусто
И тупо

Въ туманы
И мраки,
Нависшіе густо.

А воины въ броняхъ
Поблескивали шлемами,
Проходили подъ перекладиною.

5.

Голова
Окровавленнаго,
Лохматаго
Разбойника,
Распятаго —
— Какъ и Онъ —
Хохотомъ
Насмѣшливо привѣтствовала:
— „Господи,
— „Пріемли
„Новоявленнаго
Сына Твоего!“
И тяжелымъ грохотомъ
Отвѣтствовали
Земли.

6.

Въ опрокинутое міровое дно,
Гдѣ не было никакого солнца, которое
На Іордани
Слетѣло,
Низринутое
Въ это тѣло,
Перстное и преисполненное бремени —
Какое-то ужасное Оно,

Съ мотающимися перепутанными волосами,
Угасая
И простирая рванныя
Израненныя
Длани, —

Въ девятый часъ
Хрипло крикнуло изъ темени
На насъ:
— „Илй... Савахѳáни!“

7.

Деревянное тѣло
Съ темными пятнами впадинъ
Провалившихся странно
Глазъ
Деревенѣющаго Лика, —

Проволокли, —
Точно желтую палку,
Забинтованную
Въ шелестящія пелены —

Проволокли
Въ ей уготованныя
Глубины,

Безъ словъ
И безъ вѣры
Въ воскресенье . . .

Проволокли
Въ пещеры —

Въ тускломъ освѣщеніи
Красныхъ факеловъ.

8.

Отъ огромной скорби
Господней
Упадали удары
Изъ преисподней —

Въ тяжелый,
Старый
Шаръ.

Обрушились суши
И горы,
Изгорбились
Бурей озера . . .
И взгорбились долы . . .
Разламывались холмы . . .

А души —
Душа за душою —
Валились въ глухія тьмы.

Проступали въ туманы
Неясныя
Пасти
Чудовищной глубины...

Обнажались
Обманы
И ужасныя
Страсти
Выбѣжавшаго на бѣлый свѣтъ
Сатаны.

Въ землетрясеніяхъ и пожарахъ
Разрывались
Старые шары
Планетъ.

9.

По огромной,
По темной,
Вселенной —
Шатаясь —

Таскался міръ
Облекаясь,
Какъ въ саванъ тлѣнный,
Въ разлагающійся эѳиръ.

Было видно, какъ два вампира
Съ гримасою красныхъ губъ
Волокли по дорогамъ міра
Забинтованный трупъ.

10.

Намъ, желтѣя,
Въ насъ безъ мысли
Подымаясь, какъ вопросъ, —

Эти проткнутыя ребра,
Перекрученныя руки,
Препоясанныя чресла —
Въ девятнадцатомъ столѣтіи провисли:
— „Господи
„И это
„Былъ —
„Христосъ?“

Но это —
Воскресло...

Снова тамъ
Терновые
Вѣнцы.

Снова намъ —
Провисли
Мертвецы
Подъ двумя столбами съ перекладиною.

Хриплыми глухими голосами,
Перепутанными волосами,
Остеклѣлой впадиною
Глазъ —
Угрожая, мертвенныя
Мысли,
Остро, грозно, мертвенно
Прорѣзываются въ насъ.

11.

Разбойники
И насильники —
Мы.

Мы надъ тѣломъ Покойника
Посыпаемъ пепломъ власы
И погашаемъ
Свѣтильники.

Въ прежней безднѣ
Безвѣрія
Мы, —

Не понимая,
Что именно въ эти дни и часы —

Совершается
Міровая
Мистерія . . .

12.

Мы забыли: —

Изъ темныхъ
Расколовъ
Въ пещеру, гдѣ трупъ лежалъ,
Съ раскаленныхъ,
Огромныхъ
Престоловъ
Преисподній пламень
Бѣжалъ.
Отбросило старый камень,
Сорваны пелены:

Тѣло,
Отъ почвы оторванное,
Слетѣло
Сквозь землю
Въ разъятые глубины.

13.

Трупъ изъ внѣ-времени,
Лазурей
Пронизанный отъ темени
До пяты,
Бурей
— Вострубленной
Вытянулся отъ земли до эѳира...

И грянуло въ ухо
Міра:
— „Сынъ,
„Возлюбленный —
„Ты!“

Пресуществленныя божественно
Пелены,
Какъ порфира,
Расширенная безъ мѣры,
Пронизывали міровое пространство,
Выструиваясь изъ земли.

Пресуществленное невещественно
Тѣло —
Въ пространство
Развѣяло атмосферы,
Которыя сіяюще протекли.

Изъ пустыни
Внѣ времени
Переполнилось свѣтами
Міровое дно, —

Какъ оно —

Тѣло
Солнечнаго человѣка,
Сіяющее новозавѣтными лѣтами
И ставшее отнынѣ
И до вѣка —
Тѣломъ земли.
Вспыхнула вселённой
Голова
И нетлѣнно
Простертыя длани
Отъ Запада до Востока, —

Какъ два
Крыла
Орла,
Сіяющія издалека.

14.

Страна моя
Есть
Могила,
Простершая
Блѣдный
Крестъ, —

Въ суровые своды
Неба,
И —
Въ неизвѣстности
Мѣстъ.

Обвили убогія
Мѣстности
Бѣдный,
Убогій крестъ —
Въ сухіе,
Строгіе
Колосья хлѣба,
Вытарчивающіе окрестъ.

Святое,
Пустое
Мѣсто, —
Въ святынѣ
Твои сыны!

Россія,
Ты нынѣ
Невѣста...
Пріемли
Вѣсть
Весны...

Земли,
Прордѣйте
Цвѣтами
И прозеленѣйте
Березами:

Есть —
Воскресеніе...
Съ нами —
Спасеніе...

Исходитъ огромными розами
Прорастающій крестъ!

15.

Желѣзнодорожная
Линія...
Красные, зеленые, синіе
Огоньки,
И взлетающія
Стрѣлки, —

Все, все, все
Сулитъ
Невозможное . . .

Твердятъ
Голосящіе
Вдали паровики,
Убѣгающіе
По линіи:
„Да здравствуетъ третій
Интернаціоналъ“.

Мелкій
Дождичекъ стрекочетъ
И твердитъ:
„Третій
Интернаціоналъ“.

Выкидываетъ телеграфная лента:
„Интернаціоналъ“ . . .

Желѣзнодорожная
Линія,
Убѣгающая въ сѣти
Тумановъ —
Голоситъ свистками распропагандированнаго
Паровика,
Про невозможное.

И раскидываетъ свои блески —
За вѣтвями зеленѣющаго тополя . . .
Раздаются сухіе трески
Револьверныхъ переливовъ.

16.

А изъ пушечнаго гула
Сутуло
Просунулась спина
Очкастаго, разслабленнаго
Интеллигента.
Видна, —
Мохнатая голова,
Произносящая
Негодующія
Слова
О значеніи
Константинополя
И проливовъ. —

Въ дующія
Пространства
И въ сухіе трески
Револьверныхъ взрывовъ . . .

На мгновеніе
Водворяется странная
Тишина, —
Въ которую произносятся слова
Разслабленнаго
Интеллигента.

17.

Браунингъ
Краснымъ хохотомъ
Разрывается въ воздухъ, —

Тѣло окровавленнаго
Желѣзнодорожника
Падаетъ подъ грохотомъ.

Подымаютъ его
Два безбожника
Подъ заборомъ . . .

На кого-то напали . . .
На крикъ и на слезы —
Отвѣтствуютъ паровозы,
Да хоромъ
Поютъ о братствѣ народовъ . . .

Знамена отвѣтствуютъ
Лепетомъ.

И воробьи съ пригородныхъ огородовъ
Привѣтствуютъ
Щебетомъ —

Падающихъ покойниковъ.

18.

Обороняясь отъ кого-то
Заваливаетъ дровами ворота
Весь домовый комитетъ.

Подъ желѣзными воротами —
Кто-то . . .

Злая, лающая тьма
Прилегла —
Нападаетъ
Пулеметами
На дома, —
И на членовъ домоваго комитета.

Обнимаетъ
Странными туманами
Тѣла, —

Злая, лающая тьма
Нападаетъ
Изъ-внѣ — времени —
Пулеметами . . .

19.

Изъ раздробленнаго
Темени
Съ переломленной
Руки —

Хлещутъ красными
Фонтанами
Ручьи . . .

И какое-то ужасное оно
Съ мотающимися перекрученными
Руками
И неясными
Пятнами впадинъ
Глазъ —

Стремительно
Проволокли —
Точно желтую забинтованную
Палку, —

Подъ ослѣпительный
Алмазъ
Стоящаго вдали
Автомобиля.

20.

Это жалкое, желтое тѣло
Пятнами впадинъ
Глазъ, —

Провисая между двухъ перекладинъ
Изъ тьмы
Вперяется
Въ насъ.
Это жалкое, желтое тѣло
Проволакиваемъ:
Мы —
Въ себя: —

Во тьмы
У пещеры
Безвѣрія, —
Не понимая,
Что эта мистерія
Совершается нами —
— Въ насъ,
Наше жалкое, желтое тѣло
Пятнами впадинъ
Глазъ, —

Провисая межъ двухъ перекладинъ
Изъ тьмы
Вперяется
Въ насъ.

21.

А вѣсть
Прогремѣла Осанной.

Есть
Странный
Пламень
Въ пещерѣ безвѣрія, —

Когда озаряется
Мгла
И отъ насъ
Отваливаются
Тѣла, —
Какъ падающій камень.

22.

Россія,
Страна моя —

Ты — та самая,
Облеченная солнцемъ Жена,
Къ которой
Возносятся
Взоры . . .

Вижу явственно я:

Россія,
Моя, —
Богоносица,
Побѣждающая Змія . . .

Народы,
Населяющіе Тебя
Изъ дыма
Простерли
Длани.
Въ Твои пространства, —
Преисполненныя пѣнія
И огня
Слетающаго Серафима.

И что-то въ горлѣ
У меня
Сжимается отъ умиленія.

23.

Я знаю: огромная атмосфера
Сіяніемъ
Опускается
На каждаго изъ насъ, —

Перегорающимъ страданіемъ
Вѣка
Омолнится
Голова
Каждаго человѣка.

И слово
Стоящее нынѣ
По серединѣ
Сердца,
Бурями вострубленной
Весны,
Простерло
Гласящія глубины
Изъ огненнаго горла:

— Сыны
Возлюбленные, —
„Христосъ Воскресъ“.

ТОВАРИЩЪ.

Онъ былъ сыномъ простого рабочаго,
И повѣсть о немъ очень короткая.
Только и было въ немъ, что волосы, какъ ночь,
Да глаза голубые, кроткіе.

Отецъ его съ утра до вечера
Гнулъ спину, чтобъ прокормить крошку;
Но ему дѣлать было нечего,
И были у него товарищи: Христосъ да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мухъ не слышала;
А Христосъ сидѣлъ на рукахъ у Матери
И смотрѣлъ съ иконы на голубей подъ крышей.

Жилъ Мартинъ и никто о немъ не вѣдалъ.
Грустно стучали дни, словно дождь по желѣзу.
И только иногда за скуднымъ обѣдомъ
Училъ его отецъ распѣвать марсельезу.

„Выростешь, — говорилъ онъ, — поймешь:
Разгадаешь, отчего мы такъ нищи!"
И глухо дрожалъ его щербатый ножъ
Надъ черствой горбушкой насущной пищи.

Но вотъ, подъ тесовымъ
Окномъ —
Два вѣтра взмахнули
Крыломъ,

То съ вешнею полынью
Водъ
Взметнулся Россійскій
Народъ . . .

Ревутъ валы,
Поетъ гроза.
Изъ синей мглы
Горятъ глаза.

За взмахомъ взмахъ,
Надъ трупомъ трупъ,
Ломаетъ страхъ
Свой крѣпкій зубъ.

Все взлетъ и взлетъ,
Все крикъ и крикъ!
Въ бездонный ротъ
Бѣжитъ родникъ . . .

И вотъ кому-то пробилъ
Послѣдній, грустный часъ . . .
Но вѣрьте, онъ не сробѣлъ
Предъ силой вражьихъ глазъ!

Душа его, какъ прежде,
Безстрашна и крѣпка,
И тянется къ надеждѣ
Безкровная рука.

Онъ не задаромъ прожилъ,
Недаромъ мялъ цвѣты,
Но не на васъ похожи
Угасшія мечты . . .

Нечаянно, негаданно съ родимаго крыльца
Донесся до Мартина послѣдній крикъ отца.

Съ погасшими глазами, съ пугливой синью губъ,
Упалъ онъ на колѣни, обнявъ холодный трупъ.

Но вотъ приподнялъ брови, протеръ рукой глаза,
Вбѣжалъ обратно въ хату и сталъ подъ образа.

„Исусъ, Исусъ, ты слышишь? Ты видишь? Я одинъ!
Тебя зоветъ и кличетъ товарищъ твой, Мартинъ . . .

Отецъ лежитъ убитый, но онъ не палъ, какъ трусъ!
Я слышу, онъ зоветъ насъ, о вѣрный мой Исусъ!

Зоветъ онъ насъ на помощь, гдѣ бьется русскій людъ,
Велитъ стоять за волю, за равенство, за трудъ!“

И ласково пріемля
Рѣчей невинныхъ звукъ,
Сошелъ Исусъ на землю
Съ неколебимыхъ рукъ.

Идутъ рука съ рукою,
А ночь черна, черна!...
И пыжится бѣдою
Сѣдая тишина.

Мечты цвѣтутъ надеждой
Про вѣчный, вольный рокъ.
Обоимъ нѣжитъ вѣжды
Февральскій вѣтерокъ.

Но вдругъ... огни сверкнули...
Залаялъ мѣдный грузъ...
И палъ сраженный пулей,
Младенецъ Іисусъ.

Слушайте:
Больше нѣтъ воскресенья!
Тѣло его предали погребенью:
Онъ лежитъ
        На Марсовомъ
                Полѣ.

А тамъ, гдѣ осталась Мать,
Гдѣ Ему не бывать
                        Болѣ,
Сидитъ у окошка
Старая кошка,
Ловитъ лапой луну...

Ползаетъ Мартинъ по полу:
„Соколы вы мои, соколы,
Въ плѣну вы,
Въ плѣну!“
Голосъ его все глуше, глуше:
Кто-то давитъ его, кто-то душитъ,
Палитъ огнемъ.

Но спокойно звенитъ
За окномъ,
То погаснувъ, то вспыхнувъ
Снова,
Желѣзное
Слово:
„Рре-ес-пуу-ублика!“

ИНОНІЯ.

1.

Не устрашуся гибели,
Ни копій, ни стрѣлъ дождей.
Такъ говоритъ по библіи
Пророкъ Есенинъ Сергѣй.

Время мое приспѣло,
Не страшенъ мнѣ лязгъ кнута.
Тѣло, Христово тѣло,
Выплевываю изо рта.

Не хочу воспріять спасенія
Черезъ муки его и крестъ:
Я иное постигъ ученіе
Прободающихъ вѣчность звѣздъ.

Я иное узрѣлъ пришествіе —
Гдѣ не пляшетъ надъ правдою смерть.
Какъ овцу отъ поганой шерсти я
Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки къ мѣсяцу,
Раскушу его, какъ орѣхъ.
Не хочу я небесъ безъ лѣстницы,
Не хочу, чтобы падалъ снѣгъ.

Не хочу, чтобъ умѣло хмуриться
На озерахъ зари лицо.
Я сегодня снесся, какъ курица,
Золотымъ словеснымъ яйцомъ.

Я сегодня рукой упругою
Готовъ повернуть весь Міръ . . .
Грозовою расплескались вьюгою
Отъ плечей моихъ восемь крылъ.

2.

Колокольные надъ Русью клики.
Это плачутъ стѣны Кремля.
Нынѣ, какъ Петръ Великій,
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримаго города,
Млечный прокушу покровъ.
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскаломъ моихъ зубовъ.

Ухвачу его за гриву бѣлую,
И скажу ему голосомъ вьюгъ:
Я инымъ тебя, Господи, сдѣлаю,
Чтобы зрѣлъ мой словесный лугъ!

Проклинаю я дыханіе Китежа
И всѣ лощины его дорогъ.
Я хочу, чтобъ на бездонномъ вытяжѣ
Мы воздвигли себѣ чертогъ.

Языкомъ вылижу на иконахъ я
Лики мучениковъ и святыхъ.
Обѣщаю вамъ градъ Инонію,
Гдѣ живетъ Божество живыхъ!

Плачь и рыдай, Московія!
Новый пришелъ Индикопловъ.
Всѣ молитвы въ твоемъ часословѣ я
Проклюю моимъ клювомъ словъ.

Уведу твой народъ отъ упованія,
Дамъ ему вѣру и мощь,
Чтобы плугомъ онъ въ зори раннія
Распахивалъ съ солнцемъ мощь.

Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злакъ,
Чтобы зерна подъ крышей небесною
Озлащали, какъ пчелы, мракъ.

Проклинаю тебя я, Радонежъ,
Твои пятки и всѣ слѣды!
Ты огня золотого залежи
Разрыхлялъ киркою воды.

Стая тучъ твоихъ, по волчьи лающихъ
Словно стая злющихъ волковъ,
Всѣхъ зовущихъ и всѣхъ дерзающихъ
Прободала копьемъ клыковъ.

Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялося въ душу, какъ ножъ.
На рѣкахъ Вавилонскихъ мы плакали
И кровавый мочилъ насъ дождь.

Нынѣ же, какъ Петръ Великій,
Я рушу подъ тобою твердь.
Подъ гармоники пьяной клики
Заставлю плясать и смерть.

Говорю вамъ — вы всѣ погибнете,
Всѣхъ задушитъ васъ вѣры мохъ.
По иному надъ нашей выгибью
Вспухъ, незримой коровой, Богъ.

И напрасно въ пещеры селятся
Тѣ, кому ненавистенъ ревъ.
Все равно — Онъ инымъ отелится
Солнцемъ въ нашъ русскій кровъ.

Все равно онъ спалитъ теленіемъ
Что ковало рѣкѣ брега.
Разгвоздятъ міровое кипѣніе
Золотые его рога.

Новый сойдетъ Олимпій
Начертать его новый ликъ.
Говорю вамъ — весь воздухъ выпью
И кометой вытяну языкъ.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую съ васъ подковы мукъ...
Въ оба полюса снѣжнорогіе
Вопьюся клещами рукъ.

Колѣномъ придавлю Экваторъ
И подъ бури и вихря плачъ,
Пополамъ нашу землю-матерь
Разломлю, какъ златой калачъ.

И въ провалъ, отѣненный бездною,
Чтобы міръ весь слышалъ трескъ,
Я главу свою власозвѣздную
Просуну, какъ солнечный блескъ.

И четыре солнца изъ облачья,
Какъ четыре бочки съ горы,
Золотые разсыпавъ обручи,
Скатясь, всколыхнутъ міры.

3.

И тебѣ говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морямъ безвѣрія
Желѣзные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нивъ и гранитомъ рѣкъ.
Только водью свободной Ладоги
Просверлитъ бытіе человѣкъ!

Не вбивай руками синими
Въ пустошь потолокъ небесъ:
Не построить шляпками гвоздиными
Сіяніе далекихъ звѣздъ.

Не залить огневого броженія
Лавой стальной руды.
Новаго вознесенія
Я оставлю на землѣ слѣды.

Пятками съ облаковъ свѣсюсь,
Прокопытю тучи, какъ лось;
Колесами солнце и мѣсяцъ
Надѣну на земную ось.

Говорю тебѣ — не пой молебствія
Проволочнымъ твоимъ лучамъ.
Не освѣтятъ они пришествія
Бѣгущаго овцой по горамъ!

Сыщется въ тебѣ стрѣлокъ еще,
Пуститъ въ его грудь стрѣлу.
Словно полымя съ бѣлой шерсти его
Брызнетъ теплая кровь во мглу.

Звѣздами золотыя копытца
Скатятся, взбороздивъ мощь.
И опять замелькаетъ спицами
Надъ чулкомъ ея чернымъ дождь.

Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, какъ громъ;
Какъ пожаръ, размечу волосья
И лицо закрою крыломъ.

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Всѣ тыны твои, всѣ заборы
Горстью смету, какъ пыль.

Опалю твои нивы и рощи,
Осушу всѣ рѣки и моря.
Кобелемъ исхудалымъ, тощимъ
Завоетъ надъ землей заря.

Языкомъ отъ колючей жажды
Будетъ синіе лизать небеса,
И какъ ведра въ провалъ овражный
Будетъ злые спускать глаза.

Но не зачерпнутъ въ долинѣ
Воды они, гдѣ бѣжалъ потокъ;
Съ сухой загрубѣлой глиной
Прикроетъ ихъ дно песокъ.

И, кусая зубастой злостью
Желѣзную на шеѣ цѣпь,
Подохнетъ она, и кости,
Какъ льдины, усѣютъ степь.

И вспашу я черныя щеки
Нивъ твоихъ новой сохой;
Золотой пролетитъ сорокою
Урожай надъ твоей страной.

Новый онъ сброситъ жителямъ
Крылъ колосистыхъ звонъ.
И какъ жерди златые вытянетъ,
Солнце лучи на долъ.

Новыя выростутъ сосны
На ладоняхъ твоихъ полей.
И какъ бѣлки, желтыя весны
Будутъ прыгать по сучьямъ дней.

Синія забрезжутъ рѣки,
Просверливъ всѣ преграды глыбъ.
И заря, опуская вѣки,
Будетъ звѣздныхъ ловить въ ней рыбъ.

Говорю тебѣ, будетъ время,
Отплещутъ уста громовъ;
Прободятъ голубое темя
Колосья твоихъ хлѣбовъ.

И надъ міромъ съ незримой лѣстницы,
Оглашая поля и лугъ,
Проклевавшись изъ сердца мѣсяца,
Кукарекнувъ взлетитъ пѣтухъ.

4.

По тучамъ иду какъ по нивѣ я,
Свѣсясь головою внизъ.
Слышу плескъ голубого ливня
И свѣтилъ тонкоклювыхъ свистъ.

Въ синихъ отражаюсь затонахъ
Далекихъ моихъ озеръ.
Вижу тебя, Инонія,
Съ золотыми шапками горъ.

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечкѣ старушку мать;
Пальцами лучъ заката
Старается она поймать.

Прищемитъ его у окошка,
Схватитъ на своемъ горбѣ, —
А солнышко, словно кошка,
Тянетъ клубокъ къ себѣ.

И тихо подъ шопотъ рѣчки,
Прибрежному эху въ подолъ,
Каплями незримой свѣчки
Капаетъ пѣсня съ горъ:

Слава въ вышнихъ Богу
И на землѣ миръ!
Мѣсяцъ синимъ рогомъ
Тучи прободилъ.

Кто-то вывелъ гуся
Изъ яйца звѣзды,
Свѣтлаго Исуса
Проклевать слѣды.

Кто-то съ новой вѣрой,
Безъ креста и мукъ,
Натянулъ на небѣ
Радугу, какъ лукъ.

Радуйся, Сіоне,
Проливай свой свѣтъ!
Новый въ небосклонѣ
Вызрѣлъ Назаретъ.

Новый на кобылѣ
Ѣдетъ къ міру Спасъ.
Наша вѣра — въ силѣ
Наша правда — въ насъ!

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ / БЕРЛИНЪ